

Мас. 1528

Новая пьеса А. Чехова.

(Письмо из Петербурга).

Къ числу наиболее интересныхъ новостей петербургской жизни нельзя не отнести постановку на сценѣ Александринскаго театра новой пьесы А. П. Чехова „Чайка“. Пьеса успѣха не имѣла, но возбудила къ себѣ интересъ, вызывая и въ обшество и въ печати много толковъ, впрочемъ, большей частью неблагопріятныхъ.

Задувала „Чайка“ прекрасно — гораздо лучше, чѣмъ написана. Она страдаетъ беднотой, блѣдностью большинства выведенныхъ лицъ и длиннотами. Становится даже досадно на всѣ эти крупные недостатки пьесы, заслоняющіе ея достоинства. „Чайка“ значительно слабѣе беллетристическихъ произведений Чехова; отъ него ждали большего, и это, быть можетъ, также способствовало неуспѣху его пьесы, заслуживающей во всякомъ случаѣ серьезнаго вниманія, поворяю, уже по одному своему замыслу.

Считать пьесу несложной, и его можно передать въ короткихъ словахъ. Известный беллетристъ Триго-

ринъ, находящійся въ связи съ артисткой Аркадиной, по мужу Треплевой, тоже „известностью“, увлекается желаніемъ пережить еще неизвѣданную имъ юную, поэтическую, идеальную любовь, и вмѣсто того, чтобы отрезвить увлекшуюся восторженными порывомъ, преклоняющуюся передъ его талантомъ молодую дѣвушку Нину Зарѣчную, онъ сходится съ ней. Однако онъ скоро охлаждаетъ къ ней и возвращается къ Аркадиной, бросивъ Нину съ ребенкомъ.

Ребенокъ умираетъ, а Нина поступаетъ на сцену, мечтая сдѣлаться „большой“ артисткой. Но жизнь ея на-вѣки испорчена; она несчастна и не можетъ простить себѣ, что сдѣлала несчастнымъ другого, когда-то любимого ею и влюбленнаго въ нее сына Аркадиной, молодого писателя-декадента Треплева, пытавшагося послѣ ея на-вѣны застрѣлиться, но случайно оставшагося въ живыхъ... Нина рѣшается придти къ Треплеву выпросить себѣ прощенье и видѣть, что онъ ее попрежнему обожаетъ. Но для нея возврата къ прошлому нѣтъ, счастье для нея невозможно, у нея остается одно утѣшеніе — искусство. Нина уходитъ, а Треплевъ, извѣрившійся въ свое призваніе и убѣдив-

пійся, что Нина все еще любитъ Тригорина, въ отчаяніи лишаетъ себя жизни.

Таковъ сюжетъ пьесы. Въ ней сказанъ талантъ Чехова: какъ беллетристъ, онъ рассыпалъ въ своей комедіи много оригинальныхъ и вѣрныхъ психологическихъ наблюденій и почти не обратилъ вниманія на основной элементъ драмы — на *drame*. „Чайка“ — не комедія, а повѣсть въ лицахъ, и она въ формѣ повѣсти, навѣрное, значительно бы выиграла. Авторъ не сумѣлъ справиться съ формой, техникой драмы, — таковъ основной недостатокъ „Чайки“.

На сценѣ толпится много лицъ, почти совершенно несвязанныхъ съ дѣйствіемъ пьесы. Тутъ и деревенскій учитель, получающій 23 руб. въ мѣсяцъ и хотя толкующій о „Домбродо“ и „печальныхъ явленіяхъ атавизма“, но въ сущности всецѣло поглощенный мыслями о своемъ нищенскомъ жалованьи; тутъ и плутъ-управляющій съ женою и дочерью; и братъ Аркадий, „дѣйствительный статскій совѣтникъ“, неизвѣстно для чего прожившій на свѣтѣ 62 года и передъ лицомъ смерти не находящій ни одной точки опоры въ воспомина-

ніяхъ прошлаго... Тяжело видѣть на сценѣ этого человѣка, больно слышать его невеселыя шутки (вызывающія, къ моему изумленію, самый добродушный хохотъ посѣтителей Александринскаго театра). Передъ нами и докторъ, не то страдающій эгоистъ, который съ кривой усмѣшкой дразнитъ бѣднаго учителя и расправляетъ душевную рану легкомысленнаго отживающаго старика постоянными напоминаніями о томъ, что ему пора умирать, а внутренно бѣсится на людей и на самого себя, не то просто недужный человѣкъ, пошедшій не по своей дорогѣ, потерявшій вѣру въ цѣль жизни и подавшійся апатіи... Всѣ эти лица, составляющія фонъ пьесы, задуманы недурно, но благодаря тому, что авторъ не сумѣлъ связать ихъ съ дѣйствіемъ, они остаются почти необрисованными и только по немногимъ штрихамъ приходится догадываться объ ихъ душевномъ мірѣ. Ясно, что авторъ хотѣлъ нарисовать намъ побольше заурадныхъ, погрязшихъ въ тинѣ житейской пошлости и весь вѣкъ идущихъ по торной дорожкѣ людей, чтобы рѣзче отгѣнить порывы къ „новому и хорошему“ сво-

ихъ главныхъ героевъ—Нины и Треплева.

Аркадина и беллетристъ Тригоринъ сильно захвачены пошлостью окружающей среды и занимаютъ автора и зрителей только потому, что они „знаменитости“. Аркадина—это успѣвшій уже надоѣсть типъ „извѣстности“, потерявшій счетъ своимъ успѣхамъ, поклонникамъ и любовнымъ связямъ... Талантливая артистка, въ жизни она самая заурядная, избалованная женщина, скупая, эгоистичная, завидующая даже своему собственному сыну; она не можетъ жить безъ лести и угодничества, не выносить ни малѣйшаго отказа въ своихъ прихотяхъ и совершенно равнодушно проходить мимо чужого горя... Словомъ, Аркадина—полное ничтожество, и пламенная идеалистка Нина, поклоняющаяся искусству и жрецамъ его, съ горечью замѣчаетъ: „какъ можетъ быть такая женщина великой артисткой!“ Тригоринымъ Нина увлекается еще сильнѣе, и здѣсь ждетъ ее еще болѣе глубокое разочарованіе. Авторъ подчеркнул безхарактерность и ничтожество Тригорина, заставилъ его совершить низость, но онъ не лишилъ его сим-

патичныхъ чертъ, и намъ понятнo увлеченіе Нины. Тригоринъ зараженъ пошлостью, но не самодовольствомъ пошлости: онъ страдаетъ—и это ставитъ его выше другихъ. Проклятіе всей его жизни—его литературная дѣятельность. Въ самыя тяжелыя или счастливыя минуты онъ не можетъ забыть о своемъ писательствѣ; онъ не можетъ безкорыстно отдаться ни природѣ, ни охватившей его страсти; онъ жадно подстерегаетъ малѣйшее движеніе своего сердца и на каждое завитное, дорогое для обыкновеннаго человѣка впечатлѣніе въ жизни смотритъ какъ на матеріалъ для своихъ будущихъ повѣстей. Вся жизнь его, благодаря этому, приобретаетъ характеръ какой-то странной фантазмагоріи: онъ чувствуетъ, что обираетъ самого себя, что собираетъ медь съ лучшихъ цвѣтовъ своей души, рветъ эти цвѣты и топчетъ ихъ корни, но не можетъ остановиться... Замѣчу мимоходомъ, что авторъ слишкомъ увлекся желаніемъ подчеркнуть, отгнѣнить трагизмъ этого положенія и заставилъ героя ходить съ записной книжкой и въ самыхъ трогательныхъ или бурныхъ мѣстахъ, послѣ собственного наліянія, доставать ее и усердно записывать „счастливыя выраженія“.

Впечатлѣніе отъ такой утрировки получается почти комическое и немножко фальшивое... За всѣ мученія, связанные съ литературной дѣятельностью, Тригоринъ не испытываетъ никакого удовлетворенія, если не считать недолгаго наслажденія творчествомъ; онъ чувствуетъ, что та жизнь, которую онъ стремится поймать и воплотить въ своихъ образахъ, все дальше и дальше убѣгаетъ отъ него, и каждое его произведеніе, послѣ того, какъ оно напечатано, становится ему ненавистнымъ. Тригоринъ много и горячо говоритъ о своихъ страданіяхъ, и въ его искреннихъ тирадахъ зрителю слышится голосъ самого автора, выводы изъ его собственнаго горькаго жизненнаго опыта; когда слышишь эти рѣчи, невольно сочувствуешь Тригорину и забываешь, что онъ мелоченъ, безхарактеренъ и даже завистливъ: когда повѣсти молодого Треплева начинаютъ печататься, Тригоринъ, сначала ласково и покровительственно относившійся къ первымъ его опытамъ, быстро охладѣваетъ къ нему и не прочь позлословить на его счетъ...

Но что такое этотъ Треплевъ? Судьба съ дѣтства ввела его въ кругъ „знаменитостей“, собиравшихся у его матери, и онъ разглядѣлъ

ихъ пошлость, непопулярныя претензіи и внутреннее ничтожество. Треплевъ убѣжденъ, что эти люди, упрочившіе за собой успѣхъ въ искусствѣ — рутинеры, весь вѣкъ идущіе по избитымъ колеямъ и, благодаря этому, пришедшіеся по плечу толпѣ. Онъ думаетъ, что нужно найти новый путь въ искусствѣ для того, чтобы люди ничтожные не играли такой видной роли, и мечтаетъ о новыхъ литературныхъ формахъ: онъ декадентъ. По его мнѣнію, „жизнь нужно рисовать не такой, какъ она есть, и не такой, какой она должна быть, а такой, какой она рисуется намъ въ нашихъ мечтахъ“. Треплевъ пишетъ пьесу и разыгрываетъ съ помощью Нины передъ матерью и знакомыми. Съ этой пьесы и начинается „Чайка“.

Передъ зрителями — „мировая душа“ въ образѣ молодой дѣвушки... Прошли тысячелѣтія — земля застыла, жизнь на ней прекратилась... Напрасно луна зажигаетъ каждую ночь свой блѣдный фонарь: ей некому свѣтить — все умерло. Осталась одна мировая душа; въ ней слились въ одно цѣлое сознаніе человѣка и инстинкты животныхъ; въ ней — душа Шекспира, Цезаря, Александра Македонскаго и послѣдней пѣвки, — и эта

мировая душа переживаетъ теперь въ себѣ всѣ милліоны отдѣльныхъ живей... Вся эта сцена производитъ впечатлѣніе бреда, но талантливаго бреда. Аркадина, не выносящая дарованія въ другихъ, начинаетъ вставлять свои язвительныя замѣчанія; сынъ сердится, прерываетъ пьесу, ссорится съ матерью и убѣгаетъ. Крайне самолюбивый и нервный, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что пьеса его провалилась, что онъ — „жалкая бездарность“, и начинаетъ мучиться и мучить Нину. Когда Нина увлекается Тригориннымъ, онъ выходитъ изъ себя, терзается, жалуется, прибѣгаетъ и здѣсь къ своимъ излюбленнымъ символамъ: убиваетъ на соседнемъ озерѣ чайку и молча приноситъ и кладетъ ее къ ногамъ Нины. Но ни символы, ни жалкія слова не помогаютъ: Нина его разлюбила. Переживъ періодъ остраго отчаянія, онъ снова хватается за литературу; повѣсти его начинаютъ печататься въ журналахъ, онъ замѣченъ, но онъ чувствуетъ, что это — „не то“, что дѣло совсѣмъ не въ старыхъ или новыхъ формахъ, а въ талантѣ, котораго у него нѣтъ. Онъ снова начинаетъ терзаться и нервничать и, окончательно убѣдившись, что личное счастье ему не суждено,

а въ искусствѣ онъ не найдетъ удовлетворенія, лишаетъ себя жизни; примириться съ жалкимъ, пошлымъ существованіемъ, какое онъ видитъ вокругъ себя, онъ не хочетъ, на что-нибудь смѣлое и оригинальное не хватило силъ, а жить одинокимъ и несчастнымъ — не хватило мужества.

Хватило его у Нины. Въ семьѣ она не видѣла счастья и росла, мечтая о славѣ, о служеніи человечеству, о жизни, полной чего-то великаго и хорошаго; это великое и хорошее сосредоточивается въ ея мечтахъ такъ же, какъ у Треплева въ искусствѣ. Съ дѣтской наивностью увлекается она и Аркадиной и Тригориннымъ, и когда неудачно сложившаяся жизнь раскрываетъ ей глаза, она продолжаетъ надѣяться на то, что будетъ хорошей артисткой: вѣдь она сама столько пережила, столько выстрадала!... О счастьи она не мечтаетъ; свѣтлая пора иллюзій прошла для нея безвозвратно, и она чувствуетъ себя безпріютной и одинокой чайкой. Жизнь ея безповоротно загублена. А отчего? Оттого, что „пришелъ человѣкъ и отъ нечего дѣлать загубилъ“, какъ Треплевъ когда-то безцѣльно убилъ на озерѣ чайку.

Безотрадное впечатлѣніе оставляетъ „Чайка“. Вы видите передъ со-

бой или безнадежную пошлость, или страданіе—ненужное и безмысленное страданіе. Тѣ несчастные люди, которыхъ мы видимъ въ пьесѣ, знаютъ только, что они несчастны,—несчастны оттого, что не умѣютъ жить и чувствуютъ себя существами искалѣченными, изломанными, одинокими, какъ тѣ безпріютныя и сиротливыя чайки, на долю которыхъ судьба приберегла одни лишь тяжелыя страданія, да вѣчное одиночество....

Во второй разъ „Чайка“ производитъ уже гораздо менѣе сильное впечатлѣніе: такова, видно, участь всѣхъ пьесъ современнаго репертуара! Всѣ недостатки комедіи выступаютъ рельефнѣе, а отдѣльныя „счастливыя выраженія“ теряютъ при повтореніи весь свой эффектъ. Только герои „Чайки“ кажутся еще болѣе несчастными, больными людьми... О нихъ можно только пожалѣть, и, пожалуй, призадуматься надъ тѣмъ, отчего такъ много у насъ такихъ „чаекъ“ съ подрѣзанными крыльями...

И. А.